

свободная газета - 1994 - 5 апреля - с. 131

Алексей ЗВЕРЕВ:

“Нечитаемый бестселлер”

ЧЕТВЕРТЬ века назад в “Нью-Йорк таймс” набоковскую “Аду” назвали “самым знаменитым из нечитаемых бестселлеров”: при кажущейся парадоксальности и даже абсурдности эта характеристика на фоне остальных едва ли не самая точная. Другие определения и оценки не замедлили появиться, и до чего несовпадающие! Ни одна книга Набокова не вызвала столь разноречивых критических комментариев.

Говорилось, что это грандиозный провал, издательство над читателями, доверяющими громкому имени, антилитература. Говорилось, что это крупнейшее творческое свершение Набокова, во всяком случае англоязычного — так полагает и его неутомимый российский пропагандист Сергей Ильин, чей перевод “Ады” только что опубликован московским издательством “Ди-Дик”. Предлагали интерпретации, которые неопытным в набоковедении наверняка покажутся фантастическими, толкование спорило с толкованием. Накоплена приличного объема библиотека, посвященная, должно быть, самой странной “семейной хронике” за всю историю словесности. Но саму хронику не читали. Это тайна лишь для непосвященных.

Легко возразить, что нас просто лишали возможности познакомиться со знаменитой книгой. До последнего времени так оно и было. Русские переводы отсутствовали. Добыть английский текст оставалось сложным делом, к тому же он требовал хотя бы минимума примечаний, отсутствующих в карманном издании. А без них даже искушенные ценители, даже знатоки языка терялись, подозревая, что их попросту морочат бесконечными ссылками на несуществующие великие тексты, апелляциями к выдуманному авторитетам и словесными играми, от которых голова идет кругом.

Да если бы комpendium по “Аде” — а они, и сравнительно краткие, и довольно полные, давно существуют, — если бы спасительный путеводитель лежал под рукой, трудно вообразить себе хотя бы умозрительное удовольствие от текста, который требует поминутно лезть в глоссарий. То за выяснением мотивов, побуждающих автора ломать грамматику (оказывается — кто бы мог предположить? — для выразительного описания эротических томлений персонажа). То с целью удостовериться, что читающий не сошел с ума, и не существует пьесы “Ленора Веронская”, как бы уверено она ни перелагалась, и героиню Флобера звали Эмма Бовари, а вовсе не Элеонора Бонвар, хотя не исключено, что на Антитерре она взяла для себя это имя. То с надеждой (слабеющей от страницы к странице) выяснить наконец, что это за Антитерра — ад или, напротив, рай? Пространство фантазии, отменяющей бег времени и географические координаты? Антипод Терры, на которой мы, пленники чудовищной истории, владим свои жалкие дни?

Год с небольшим назад появилось первое русское переложение романа. И кажется, почти не оставило сомнений, что Набоков создал текст, вовсе не предназначенный для того, чтобы его читать. Этот текст требовал, чтобы его преодолевали, и постоянно испытывал упорство дешифровщиков. Знакомство с ним для кого-то превращалось в авантюру бесконечных произвольных домысливаний, поскольку логика и связность едва проступали за намеренно размытыми фразами. А у других этот текст осваивал такое чувство, словно они приходят в себя после аварии: привычные пропорции смешены тра-

диционные смыслы более не внушают доверия и сами слова перестали обозначать вещи, с которыми они всегда ассоциировались.

Критика возложила вину за подобное впечатление на переводчиков, из которых по крайней мере двое вообще никогда не имели дела с серьезными художественными текстами, написанными по-английски. В той “Аде” и правда были нелепые ошибки, были стилистические промахи, от которых автор перевернулся бы в гробу. Но полагать, будто нечитаемость книги лишь следствие слабостей перевода, во всяком случае, наивно. “Ада” по исходной идее, по всему характеру повествования не предполагает никакой прозрачности, пользуясь одним из любимых слов Набокова. Можно восхищаться тем, как виртуозно, как последовательно, эпизод за эпизодом воплощается эта идея, как изящна игра лексическими значениями, сопровождаемая беспрепятственным иронизированием или дразнящей насмешкой над приверженцами всевозможных ярлычков. Можно по тому же поводу негодовать и возмущаться. Но так или иначе разбор “Ады” должен начинаться с признания ее апофеозом смысловой неопределенности.

Рассказанная в ней история страсти, соединяющей героя и его сводную сестру в преступном альянсе, который длится около девяноста лет и продолжен на бескрайних, нематериальных просторах Антитерры, по существу, даже не создает сюжета в сколько-нибудь знакомом содержании этого понятия. Перипетии отношений Вана с Адой слишком откровенно используются автором только как повод для того, чтобы вернуться к собственным излюбленным мотивам. Или, попросту бросив персонажей, оставленных наедине с их одиозными побуждениями, всласте порассуждать то о природе времени, то о фантазмагории эроса, то о магичности искусства...

Ход событий может останавливаться или вовсе прекращаться в любую минуту, интонация, только что по видимости драматическая, тут же становится скептической, если не издевательской. В рассказ Набокова то и дело вторгаются и начинают сложно с ним взаимодействовать цитируемые, а чаще имитируемые или передразниваемые повествования многих других авторов. Список выявленных или подозреваемых заимствований, составляемый вот уже третий десяток лет, грозит пополняться бесконечно.

Что уж тогда вспоминать о перечне трактовок! “Аду” считали травестией “Дара”, усматривая нечто провиденциальное в том, что оба заглавия столь кратки — да еще и аукаются, — а книги, наоборот, так длинны. В ней обнаруживали образец интеллектуального романа, требующего от читателя отменной эрудиции, готовности странствовать по лабиринтам философских концепций и безоязни провоцирующе откровенных картин. Она воспринималась как прообраз деконструктивизма и постмодернизма, приобретающая статус произведения, открывающего целую литературную эпоху, для которой ключевое значение приобретает понятие бесконечной вариативности, неокончателности — текстов, контекстов, интерпретаций, прочтений...

И в итоге “Ада”, хотя далеко не все согласятся рассматривать ее в качестве произведения, действительно достойного набоковского дарования, стала по-своему уникальным литературным событием. Она сделалась книгой, значение которой очевидно и неоспоримо, а известность по-настоящему велика, но которая мало кем прочитана, за вычетом диссертантов. Ей только предстоит — если предстоит — завоевывать свою аудиторию.

Произойдет ли это, никто, разумеется, сказать не в состоянии. Но появился шанс.

